ISSN 2304-120X
КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал

Шаповал И. А. Дисфункции психологических границ как фактор девиантной аккультурации подростка // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – № 11 (ноябрь). – 0,8 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2017/172010.htm.

ART 172010 **УДК 159.923.2**

Шаповал Ирина Анатольевна,
доктор педагогических наук, профессор кафедры специальной психологии ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург
irinashapoval@yandex.ru

Дисфункции психологических границ как фактор девиантной аккультурации подростка

Аннотация. *Статья представляет содержание девиантной аккультурации как контрпроект общества, дезинтеграцию и деформацию внутренних и внешних отношений личности и следствие дисфункций психологических границ личности. Радикальное обновление культурной позиции требует изменения границ Я и серьезной трансформации существующих связей, моделей поведения и ценностных установок. Девиантное преобразование культурных форм социальной жизни описано в формах патологической ассимиляции, сепарации или маргинализации. Аккультурация подростка в ситуации «расходящихся миров» включает десоциализацию и декультурацию. Аккультурационный стресс повышает риск выбора девиантных аккультурационных опций и обращения к контркультурам.*
Ключевые слова: *аккультурация, девиация, ассимиляция, сепарация, маргинализация, психологические границы, подросток.*
Раздел: *(02) комплексное изучение человека; психология; социальные проблемы медицины и экологии человека.*

В современном «обществе риска» в условиях новых, неизвестных и неконтролируемых событий, роста миграционных процессов и электронной коммуникации, изменений культурного контекста всё больше людей разочаровывается в социальных институтах и культурных контекстах, что ведет к нарастанию и распространению индивидуализма. Девиантное поведение и маргинальность, традиционно считавшиеся неуспехом социализации, в процессах аккультурации к новым реальностям и поиска новой идентичности начинают символизировать контрпроект общества.

Аккультурация как реагирование человека в ответ на изменение культуры в ряде случаев отражает просоциальные интеграционные тенденции, но достаточно часто мешает индивидуализации личности и ее взаимодействию с более широким социумом. Аккультурация подростка в условиях диссонирующих и во многом оппозиционных друг другу окружающей культуры и субкультур взрослых и сверстников имеет характер «расходящихся миров» [1]. Наличие альтернатив аккультурации повышает риск формирования девиантного поведения.

Сложность феномена девиантности – в двусмысленности значения девиации в целом: без отклонений нет развития, и любое инакомыслие представляет собой по существу отклонение от принятых в обществе норм. Но, во-первых, девиации всегда культурно интердетерминированы: имеют определенное культурное содержание и культурное окружение, в котором они растятся либо преодолеваются; во-вторых, будучи продуктом культуры, нормы межкультурно, субкультурно и исторически вариативны и изменчивы. В этом контексте, подчеркивает В. А. Янчук [2], запретительные средства девиаций бесперспективны и внимание должно акцентироваться на путях и средствах интеграции девиаций в общество или в их рекультурации.

В аккультурации как переходе между культурами феномен границы приобретает проблемы культуры границ. Культура «вся расположена на границах», подчеркивал М. М. Бахтин [3]: каждый культурный акт существенно живет на границах и, отвлекаясь от них, теряет почву, опустошается, вырождается и умирает. Диссонанс культур порождает вызов просоциальности индивидов и групп – девиации поведения и стиля жизни; затем они институциализируются и поддерживаются уже как культурный феномен. Образовательные, воспитательные, идеологические, религиозные институты остаются беспомощными и бессильными перед «инаковостью» в формах деликта, суицида, проституции, аддикций, модернизирующихся в соответствии с духом эпох.

Сказанное определяет актуальность и цель нашего исследования: раскрыть содержание девиантной аккультурации как следствия дисфункций психологических границ личности и специфику подросткового возраста в отношении девиантной аккультурации.

Социально-психологический смысл культуры – в совокупности установок, ценностей, верований и поведения, разделяемых группой людей (но по-разному каждым индивидом) и передаваемых от поколения к поколению. В интенциональном, выдуманном, сконструированном людьми мире культуры на ее «социэтальном» (разного рода взаимодействия и взаимозависимости) и «витальном» (независимые формы социальной жизни) уровнях рождаются и сталкиваются между собой разнообразные фундаментальные дискурсы и практики [4]. По отношению к этим уровням в реальных взаимодействиях людей и общностей и процессах аккультурации и декультурации человек идентифицируется и реализует себя как свободная личность, социальный индивид и субъект культуры.

Современную социальную среду характеризуют [5]:

– повышенная нестабильность и непрогнозируемость, неблагоприятные для социального самочувствия личности и закономерно обусловливающие рост числа фрустрированных и невротизированных субъектов;

– обесценивание внутренних регуляторов поведения в виде традиционных моральных и правовых норм;

– резкое расширение степени свободы личности при одновременном ослаблении социального контроля, восприятие чего многими как вседозволенности приводит к негативной самореализации через насилие, агрессию, деликты;

– широкомасштабная ломка стереотипов социального мышления и взаимодействия человека со средой;

– повышение требований к гибкости мышления и поведения в целом;

– широкое распространение мифологичности мышления и различных форм мифологии в обществе;

– доминирование борьбы над консенсусом;

– выраженно альтернативный характер социума: наличие противоположных точек зрения, взаимоисключающих требований к человеку и т. д.

Изменения в социальном окружении порождают изменения в личности и в ее активности, и наоборот. Человек и его социокультурное окружение взаимно проникают друг в друга и оказываются в отношениях реципрокной детерминации или интердетерминации качественных особенностей, характера и содержания активности, с одной стороны, личности, с другой – ее социального окружения [6]. Взаимодействия человека и культуры приводят к тому, что она начинает существовать как культура конкретного субъекта в его потенциально бесконечных интерпретациях своей освоенной и осваиваемой культуры и переосмыслениях ранее сложившихся смыслов.

Культура в равной степени индивидуальный психологический и социальный конструкт: собственная жизнь культуры обратной связью усиливает то наше поведение, которое она программирует; с другой стороны, любой из нас ежесекундно пытается приспособиться к постоянно изменяющимся условиям, средствам и целям культуры, к своему личностному культурному богатству или нищете. А. Г. Асмолов [7] отмечает важнейшую закономерность развития личности: переход от режима употребления, усвоения культуры к конструированию собственных социальных миров. Всё более индивидуализируясь, личность сама выбирает ту деятельность, а порой и образ жизни, которые определяют ее развитие. Организуя жизнь в соответствии с полем значений образа мира, человек тем самым подтверждает реальность его существования, и социальное пространство начинает казаться естественным, собственным: «Это мое».

Формирование психологических границ – это проблема самоопределения и соотнесенности мира Я с миром не-Я и, по сути, история личности. В диалектике границ рождается внутренний мир человека, его субъективность и субъектность (В. А. Петровский; В. И. Слободчиков). Согласно Г. Аммону [8], сама цель развития Я заключается в формировании его гибкой границы и ее постоянном расширении: благодаря этому деятельность Я становится свободной от конфликтов и относительно автономной от внутренних потребностей и окружающего мира. В этих условиях различение Я и не-Я выступает решающей фазой развития Я и идентичности, а функция идентификации Я делает его неповторимым, последовательно поддерживая формирование и расширение границ в межличностных отношениях.

Возрастные кризисы, возникающие в связи со сменой «задач развития», детерминируют необходимость аккультурации, изменения координат индивидуальной картины мира на социокультурном и личностном уровнях. На их пересечении *феномен границы* прямо связывается с проблемой *целостности* человеческого бытия. Граница становится проблемой в нашем отношении к миру и к самим себе, и крайностью здесь предстает либо размывание границ вплоть до их исчезновения, либо их неадекватная, вопреки всякому здравому смыслу, жесткость. В обоих случаях имеет место дефицит «культуры границ» [9], приводящий к неопределенности в отношении культурных норм, меры дозволенного и недопустимого либо к непродуктивному ограничению.

Сложнейший феномен психологической аккультурации раскрывается в ряде ракурсов:

1) как смена культуры он выступает в виде субъективации личности: степень рефлексивности и активности, самодеятельности и саморегуляции поведения человека определяет степень целостности его внутренних и внешних отношений как открытой развивающейся системы;

2) в процессе преодоления смысловых барьеров между культурами одна из сторон принимает органичную для изначального оппонента шкалу жизненных ценностей, норм и правил жизнедеятельности. Результатом становится разрушение деструктивной оппозиции по принципу «мы – они» и выстраивание общего «мы» как личностно значимого для всех единства целей, задач и принципиальных способов их достижения и решения. Реконструкция координат субъективной картины мира человека, переживающего аккультурацию, означает изменение иерархии его ценностей, смыслов, нравственных ориентиров, всего определяющего его индивидуальность и одновременно социальную идентичность;

3) как решение жизненных проблем психологической аккультурации начинается с предъявляемых к человеку требований необходимости общения с двумя контактирующими культурами и принятия в разной степени участия в них. Эта ситуация может рассматриваться и оцениваться как расширение возможностей или их утрата, как ис-

точник затруднений или как достижение, как проблема, задача или вызов. Переживание этой ситуации как проблемной и конфликтной рождает аккультурационный стресс, реакцией на который могут быть психологические защиты или копинг – ориентированный на решение проблемы, на эмоции в ее отношении (Лазарус и Фолькман) или на уклонение (Эндлер и Паркер), на изменение ситуации или на терпение и изменение себя (ассимиляционная аккультурация).

Радикальное обновление культурной позиции требует серьезной трансформации существующих связей, моделей поведения и ценностных установок – изменения границ Я, чему неизбежно предшествуют десоциализация и декультурация в формах поведенческих сдвигов и аккультурационного стресса или культурного шока в поле взаимодействия между культурами. Переживание и опыт культурной утраты, беспокойство из-за социальной дезориентированности в новой культуре, конфликт несовместимых ценностей доминирующей и недоминирующей групп – всё это можно назвать источниками стресса или усугубляющими его условиями.

Проблему дефицита ресурсов личности подростка в его аккультурации можно видеть в ключевых проблемах его развития [10]. В силу «искривления» линии деятельностного освоения социального опыта отношений и действий, недостаточной для данного возраста «обученности» или неготовности к адекватному возрасту способу взаимодействия с окружающими подросток не может вести себя в соответствии с обращенными к нему ожиданиями социума. Он просто не располагает ни необходимыми для этого операционно-техническими возможностями, ни достаточной ориентацией в задачах и нормах человеческих взаимоотношений. В этих случаях механизмы интерпретации развивающейся личностью социокультурной реальности искажаются, а неприятие требований доминирующей группы и оценка ситуации как субъективно непереносимой приводят к дезадаптации, девиантной или патологической адаптации и аккультурации.

На основании сказанного девиантную аккультурацию можно определить как дезинтеграцию и деформацию внутренних и внешних отношений личности и девиантное преобразование личностью культурных форм социальной жизни. Ее варианты можно дифференцировать в соответствии с перечнем стратегий аккультурации (Дж. Бери [11]) и типов приспособления к общественной системе в зависимости от отношения к общественным целям и средствам их достижения (Р. Мертон).

Варианты девиантной аккультурации

Стратегии аккультурации	***Девиантная аккультурация***
Патологическая ассимиляция как эффект смены культур	Конформизм, снижение рефлексивности и активности, самодетерминированности и саморегуляции, деиндивидуация (растворение в аффектах и действиях толпы), ритуализм как снижение слишком высоких культурных целей для удовлетворения их существующими средствами
Сепарация или маргинализация в результате неуспешности преодоления смысловых барьеров между прежней и новой культурами из-за непринятия последней (возможно, обоюдно)	Кризис идентичности, экзистенциальный кризис, фрагментация социального мира, его несвязанность и конфликтность, «кристаллизация недовольства» (Р. Баумайстер), состояние психологического «тупика», потеря социально направленных чувств, самоизоляция, псевдоаутизация, социальная неконтактность и эксклюзия
Сепарация или маргинализация как обрыв связей с обществом вследствие восприятия аккультурации как утраты возможностей, источника жизненных проблем	Инновация в виде принятия культурных целей с использованием институционально запрещаемых средств их достижения, недоверие к близкому социальному кругу и нормам. Ретритизм (отторжение социальных целей и избегание социальной системы) или мятеж и обращение к контркультуре

Я существует на границе контакта, а границы контакта и есть границы Я. Девиантный паттерн искажения процессов контакта и ухода, как правило, имеет место в психологических защитах в ответ на внедрение общества, столкновение со средой или хронические, повседневные интервенции в процессы развития, познания и принятия человеком себя [12]. Девиантные действия и поступки выступают, по мнению Ю. А. Клейберга [13], специфическими способами изменения социальных норм и ожиданий посредством демонстрации личностью ценностного отношения к ним на фоне внутриличностной деформации ценностных ориентаций, ценностно-нормативных представлений и системы личностной регуляции.

Рассмотрим детальнее представленные в таблице варианты девиантной аккультурации.

1. Стратегия ассимиляции характерна для девиантов – жертв социальной некомпетентности, деформирующего влияния культурной среды и стресса психологической аккультурации, для избавления от которого используются психологические защиты. Неудовлетворение базовых социогенных потребностей формирует тенденции жизни как дефицитарной компенсации несоответствия человека культурному эталону идентификации [14]. Девиантность возникает как механизм реализации или компенсации личностной виктимности гиперсоциальным, зависимым, беспомощным, некритичным поведением. Это так называемые «жертвы социализации» (А. В. Мудрик).

2. Сепарация или маргинализация как «бегство от реальности» в результате неуспешности преодоления смысловых барьеров между прежней и новой культурами из-за непринятия последней (возможно, обоюдно) типична для невротической или шизоидной личности. «Бегство от социума» – маргинальная и аутсайдерская разновидность социальной практики – на самом деле не противоречит социальным нормам, но заполняет собой определенную нишу социального.

Социальная граница и граница среды невротика сдвигается слишком далеко в его сторону, и он всё больше допускает преувеличенные посягательства общества, позволяя ему побуждать и формировать себя. Он не способен ясно видеть собственные потребности и из-за этого не может их удовлетворять; не умеет достаточно определенно отличать себя от остального мира и ставит общество выше самой жизни, а себя – ниже. Результатом характерной неспособности к автономии является зависимость, симбиоз, в которых человек мало осведомлен о том, что поступает в соответствии с чьими-то ожиданиями, надеждами, реализует чужие сценарии и в целом проживает не свою жизнь [15, 16]. У шизоидной личности границы Я сдвинуты вовнутрь, крайне жестки, ригидны и слабопроницаемы, результатом чего становится неспособность человека к контакту, бегство из реального мира в идеальный, воображаемый мир.

3. Сепарация или маргинализация как нонконформизм знаменуют обрыв связей с обществом из-за отказа личности от приспособительного поведения и безоговорочного подчинения внешним принудительным обстоятельствам. В этих стратегиях аккультурации отражаются, с одной стороны, несовместимость разных социальных порядков и ценностей, с другой – оппозиция нормативности, просоциальности и стремление к пересмотру культурных моделей. Нарушения моральных и правовых норм, принцип «вседозволенности» и применение любых средств, включая разрушение ближайшей социокультурной среды, нарушение ее границ, ее подчинение или оккупацию, характерны для злокачественного нарциссизма. Если здоровая личность переживает свое Я как средство для организации отношений с миром, то для нарцисса центр собственных переживаний – Я идеальное, дважды отчужденное: от реального Я и от реального мира. Отношения с другими людьми оценивающие и обесценивающие [17]. Ф. Перлз в этом контексте дает образ преступника, переступающего через контактную границу и заходящего на сторону общества так, что оказывается с ним в

остром конфликте. Не умея отличать себя от остального мира, преступник не видит потребности других и пренебрегает ими, ставит себя выше жизни и общества [18].

Итак, неправильное функционирование контактной границы и определение необходимого равновесия между собой и остальным миром – внутриличностный источник девиантной аккультурации. Неконструктивность границ лежит в основе двух типов личности: Я-типа со свойственным ему чувством стыда и демонстрацией самодостаточности и агрессивного, дерзкого, заносчивого поведения и Мы-типа с доминантными эмоциональными состояниями беспомощности и подчиненности, постоянного чувства вины [19]. Оба типа обладают «слабыми» границами, обусловливающими чрезмерную уязвимость в контактах, уход в фантазии, настороженность и подозрительность, неспособность эффективно контролировать и защищать свое психологическое пространство. В любом случае чрезмерная поляризация «поиска себя и самоопределения» или «слитности с другими людьми» отражает дезадаптирующий процесс и неконструктивный способ организации психологического пространства.

Если в отношении аккультурации речь идет о взаимоотношениях в пограничной области культур и человека, то девиантная аккультурация указывает на неблагополучие границ этой области: разграничивания ее содержания, ограничивания его форм, выделения значимых характеристик ее объектов, дифференциации и полагания ее смыслов. При неуспешной социализации возникает социально умалчиваемая асимметрия между «публичной» и «приватной» биографиями [20]: неуспешность в одном социальном мире становится непринципиальной в условиях возможности компенсировать ее формированием контрреальности и превращением отношений в манипуляции. Согласно социально-психологическим исследованиям, люди приспосабливают свои self-представления к изменяющимся обстоятельствам жизни и надевают различные социальные маски в разных ситуациях. Под социальным давлением человеку часто проще и легче создать новый имидж, надеть маску, сыграть роль для манипуляции окружающими и адаптации к их ожиданиям, нежели изменить свое Я без внутренней потребности в самоизменении.

В качестве действенного начала границы наиболее активно обозначают поле возможностей, потребностей, необходимости определенного поведения человека. В то же время нарушения границ пространства личности когнитивно оцениваются по критериям утраты безопасности, ценности и статуса, личностной уязвимости, трудностей выбора, неопределённости ситуации, утраты контроля границ, дискомфорта, невозможности прогнозировать дальнейшие события, оценки собственных ресурсов для восстановления границ [21]. В целом нарушения границ порождают несоответствия между потребностью самоопределения личности и трудностью ее реализации в культуре, между жаждой самовыражения и суррогатной практикой ее утоления.

Любые – внутренние или внешние – перемены предполагают отказ от сложившейся реальности, от привычного, надежного и ограничивающего, антипатию к нему и его дискриминацию. Аккультурация подростка требует разрушения предшествующей субъективной реальности и ее радикальной трансформации. Старая реальность и группы и значимые другие, ранее бывшие ее посредниками для индивида, должны быть переинтерпретированы, что предполагает сегрегацию, телесное и/или ментальное отделение индивида от «сожителей» по оставленному им миру [22].

Девиантность – имманентная психологическая характеристика подросткового социума, доказывает Ю. А. Клейберг [23], атрибутивный механизм социализации и адаптации личности подростка, осуществляющийся как во внешнем, так и во внутреннем взаимодействии. Подростковый стресс аккультурации, связанный с утратой культуры детства и дефицитом культурных и психологических потенциалов, необходимых для овладения

требованиями культуры взрослых, угрожает личности психокультурной деформацией – негативными изменениями ее качеств и свойств. Когнитивно-аффективное искажение реальности и психологическая дезориентация как атрибуты деформаций личности становятся основой дезадаптивного стиля жизни [24]. У подростков, считает Е. В. Руденский [25], агрессивная делинквентность, социальные девиации, деструкции межличностных отношений, аддиктивное поведение на фоне прогрессирующей экзистенциальной фрустрации и ноогенного невроза являются дебютами деформаций личности.

Аккультурация означает поиск и конструирование новой социальной и личностной идентичности, а в ситуации социальной нестабильности это необходимость постоянного «достраивания» человеком своего Я [26]. В этом контексте идентичность понимается сегодня как «открытая», «проектная», принципиально множественная и потенциальная, а понимание субъекта как постоянно выходящего «за пределы» своего Я в аккультурационных процессах с позиции функционирования границ Я может рассматриваться как баланс изменчивости/устойчивости различных Я-структур.

По мнению Н. У. Браун [27], целостность представления личности о себе прямо связана со сформированностью границ Я, отсутствие же связи с внешним и интенсивное погружение личности «вовнутрь» или «вовне» нарушает представления о границах Я, приводя к отчуждению от других людей и/или от самого себя. Основная особенность кризисной социальной идентичности – ее неустойчивость – представляет собой веер многообразных тенденций [28]: ослабление социальной идентичности и разрушение ее иерархии, утверждение категоризации «свои – чужие», преобладание идентификаций с ближайшим социальным окружением, увеличение числа «негативных идентичностей». Субъективная сторона кризиса идентичности выражается в утрате позитивных социальных идентичностей в силу объективного исчезновения некоторых оснований для солидаризации или изменения их оценки.

Сталкиваясь с необходимостью аккультурации, подросток должен решить для себя: 1) является ли собственная идентичность ценностью для него и нужно ли ее сохранять (хочу ли я приспосабливаться?); 2) являются ли отношения с доминирующими группами ценными и следует ли их налаживать? Дефициты информационно-энергетического обмена внутренней и внешней реальностей подростка, дисгармония внешних и внутренних условий его жизни, утрата им целесмысловой ориентации, искажения отражения и интерпретаций самого себя и мира выступают источником дисфункций границ Я и нарушений их регуляции [29]. Отсюда объясним выбор из набора аккультурационных опций сепарации, маргинализации, девиантных стратегий, сопровождающихся стрессами, чувством отчуждения, спутанностью идентичности [30]. Патогенная и деструктивная аккультурация в виде поведения риска, социальной инфантильности, социофобии смешивается с агрессивно компенсирующим самоутверждением, высокой конфликтностью в интеракциях, конфронтацией в жизненно значимых сферах. Искажение внутренней реальности сочетается с подавлением Я апатией, нарциссизмом и эгоцентризмом, с преклонением перед внешней реальностью либо ее эксплуатацией. «Бегство» от Я и от мира в аддикции или в невротическую тревогу, агрессию, виктимность, самоповреждающее поведение, деиндивидуацию, нигилизм и т. д. может сопровождаться созданием или выбором оппозиционной контркультуры, ставящей под сомнение культурные ценности, нормы и моральные устои доминирующей культуры.

Все пространство социальных отношений расчерчено на локусы допустимого, поощряемого и запретного; своеобразные смысловые сети культуры задают параметры отграничения «хороших», «плохих» и запретных событий, отношений, действий с определенными смыслами для определенных субъектов. В то же время запреты культуры условны и либеральны: она постоянно формирует основания как просоциальных, так и

контрсоциальных, «запрещенных» и нежизнеспособных отношений, вплоть до игнорирования социальных законов, манипулируя тем самым социальными отношениями.

Среда может и способствовать девиации, и активно противодействовать ее коррекции. Для позитивных изменений необходима поддерживающая социальная среда, но адаптация и к этой среде требует соответствующих способов активности. Благодаря молчаливому неучастию общества в происходящем и происходит формирование девиации [31]. Так, например, появляется новый тип личности людей 1980–1990 г. р., выросших в ситуации нравственной деградации общества [32]: демонстративно грубых, наглых и агрессивных, «принципиально беспринципных», презирающих общепринятые нормы, в первую очередь морали, ориентирующихся на законы криминального мира, публично употребляющих нецензурную лексику и т. п.

Резюмируем сказанное.

Диссонанс культур порождает вызов просоциальности индивидов и групп – контрпроект общества, девиантную аккультурацию: дезинтеграцию и деформацию внутренних и внешних отношений личности и девиантное преобразование ею культурных форм социальной жизни в формах патологической ассимиляции, сепарации или маргинализации.

Психологические границы личности в процессах аккультурации выступают инструментом и функцией самоопределения и соотнесения мира Я с миром не-Я. Радикальное обновление культурной позиции требует изменения границ Я и серьезной трансформации существующих связей, моделей поведения и ценностных установок, чему неизбежно предшествуют десоциализация и декультурация в формах поведенческих сдвигов и аккультурационного стресса.

Девиантный паттерн искажения процессов контакта и ухода на границах Я возникает в условиях дефицита «культуры границ» как ответ на столкновение со средой или ее хронические интервенции в пространство Я. Дисфункции контактной границы и определения необходимого равновесия между собой и миром – внутриличностный источник девиантной аккультурации: девиаций в отношении культурных норм, меры дозволенного и недопустимого и несоответствия между потребностью самоопределения личности и трудностью ее реализации в культуре, между жаждой самовыражения и суррогатной практикой ее утоления.

Аккультурация подростка в условиях диссонирующих и во многом оппозиционных культур и субкультур взрослых и сверстников имеет характер «расходящихся миров», что повышает риск ее девиаций. Утраты подростком позитивных социальных идентичностей и целесмысловой ориентации сопровождаются внутриличностной деформацией ценностных ориентаций и ценностно-нормативных представлений, искажениями отражения и интерпретаций себя и мира, отчуждением, спутанностью идентичности. Этим и объясняется выбор из набора аккультурационных опций патологической ассимиляции, сепарации, маргинализации, обращения к контркультурам, оппозиционным культурным ценностям, нормам, морали доминирующей культуры.

Ссылки на источники

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование личности. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Янчук В. А. Концептуальные основания проблемы отклоняющегося поведения: социокультурно-индетерминистская диалогическая перспектива // Междунар. заочн. научно-практ. конф. «Отклоняющееся поведение человека в современном мире: проблемы и решения». – Владимир: ВлГУ, 2011. – URL: http://deviatio2010.vlsu.ru/index.php?id=186.
3. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 234–407.
4. Бенхабиб С. Притязания культуры: равенство и разнообразие в глобальную эру. – М.: Логос, 2005. – 350 с.
5. Зобов Р. А., Келасьев В. Н. Социальная мифология России и проблемы адаптации. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. – С. 10.

6. Петухова Л. И. Личностно-смысловые детерминанты когнитивной оценки ситуаций нарушения границ бытийного пространства личности: дис. … канд. психол. наук. – М., 2014.
7. Асмолов А. Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. – М.: «Смысл», ИЦ «Академия», 2002. – 416 с.
8. Ammon G. Handbuch der Dynamischen Psychiatric. Bd. 2. – Munchen: Er. Reinhardt Verlag, 1982. – 967 S.
9. Куликова Т. В. Философия границы: феноменологический и эпистемологический подходы: дис. ... д-ра филос. наук. – Н. Новгород, 2011. – 334 с.
10. Кондратьев М. Ю. Социальная психология закрытых образовательных учреждений. – СПб.: Питер, 2005. – 304 с.
11. Бери Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы // Развитие личности. – 2001. – № 3–4. – С. 183–193.
12. Перлз Ф. С. Гештальт-подход. Свидетель терапии. – М.: ИИП, 2001. – 224 с.
13. Клейберг Ю. А. Психологические основы девиантного поведения подростков: дис. ... д-ра психол. наук. – Тверь: Чу До, 1999. – 65 с.
14. Shapoval I. A. The deviation of the individual as a result of programming and selection of alternatives on the path of life // 1st International Scientific Conference «Science Progress in European Countries: New Concepts and Modern Solutions». March 28, 2013. – Stuttgart, 2013. – P. 151–152.
15. Перлз Ф. С. Гештальт-подход. Свидетель терапии. – М.: ИИП, 2001. – 224 с.
16. Хломов Д. Динамический цикл контакта в гештальт-терапии // Гештальт-2003: сб. материалов Московского гештальт института. – М.: Московский гештальт институт, 2003. – 105 с.
17. Там же.
18. Перлз Ф. С. Указ. соч.
19. Шамшикова Е. О. Детерминация нарциссизма в организации психологического пространства личности // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2013. – № 3. – С. 24–35. – URL: http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.
20. Бергер П., Лукман Т. Указ. соч.
21. Петухова Л. И. Указ. соч.
22. Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. – С. 259.
23. Клейберг Ю. А. Указ. соч.
24. Шаповал И. А. Деформации личности как эффект взаимодействия субъективных и социальных миров // Клиническая и специальная психология. – 2014. – Т. 3. – № 4. – URL: http://psyjournals.ru/psyclin/2014/n4/Shapoval.shtml.
25. Руденский Е. В. Психология ненормативного развития личности: виктимологические основания психологической теории дефицитарной патологии развития личности. – Новосибирск: ГЦРО, 2000. – 180 с.
26. Белинская Е. П. Идентичность личности в условиях социальных изменений: дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2006. – URL: http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-05/dissertaciya-identichnost-lichnosti-v-usloviyah-sotsialnyh-izmeneniy.
27. Brown N. W. (ed.). Coping with infuriating, mean, critical people: the destructive narcissistic pattern. – Westport, CT, Praeger, 2006. – 191p.
28. Белинская Е. П. Указ. соч.
29. Шаповал И. А. Функции и дисфункции границ Я: эффекты самоорганизации и самодезорганизации системы // Клиническая и специальная психология. – 2016. – Т. 5. – № 1. – С. 19–32. – URL: 10.17759/cpse.2016050102.
30. Бери Дж. У. Указ. соч.
31. Янчук В. А. Указ. соч.
32. Юревич А. В. Антисоциальная социализация // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. – С. 233–250.

Irina Shapoval,
Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Special Psychology Chair, Orenburg Sate Pedagogical University, Orenburg
irinashapoval@yandex.ru

Psychological borders dysfunctions as a factor of teenager deviant acculturation

Abstract. The article presents the contents of deviant acculturation as a counter-project for the society, disintegration and deformation of personality internal and external relationships and the consequence of psychological borders dysfunctions. Radical renewal of cultural position requires the change of “ME”- borders and serious transformation of existing relationships, behavior models and values. Deviant transformation of social

life cultural forms is described in forms of pathological assimilation, separation or marginalization. Acculturation of a teenager in a situation of "divergent worlds" includes desocialization and deculturation. Acculturation stress increases the risk of acculturation options deviant choice and becoming the counterculture follower.
Key words: acculturation, deviation, assimilation, separation, marginalization, psychological borders, teenager.

References

1. Berger, P. & Lukman, T. (1995). *Social'noe konstruirovanie lichnosti*, Medium, Moscow, 323 p. (in Russian).
2. Janchuk, V. A. (2011). “Konceptual'nye osnovanija problemy otklonjajushhegosja povedenija: sociokul'turno-indeterministskaja dialogicheskaja perspektiva”, *Mezhdunar. zaochn. nauchno-prakt. konf. “Otklonjajushheesja povedenie cheloveka v sovremennom mire: problemy i reshenija”,* VlGU, Vladimir. Available at: http://deviatio2010.vlsu.ru/index.php?id=186 (in Russian).
3. Bahtin, M. M. (1975). “Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoj pojetike”, *Voprosy literatury i jestetik*i, Moscow., Hudozh. lit, pp. 234–407 (in Russian).
4. Benhabib, S. (2005). *Pritjazanija kul'tury: ravenstvo i raznoobrazie v global'nuju jeru*, Logos, Moscow, 350 p. (in Russian).
5. Zobov, R. A. & Kelas'ev, V. N. (1997). *Social'naja mifologija Rossii i problemy adaptacii*, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, St. Peterburg, p. 10 (in Russian).
6. Petuhova, L. I. (2014). *Lichnostno-smyslovye determinanty kognitivnoj ocenki situacij narushenija granic bytijnogo prostranstva lichnosti: dis. … kand. psihol. nauk*, Moscow (in Russian).
7. Asmolov, A. G. (2002). *Psihologija lichnosti: principy obshhepsihologicheskogo analiza*, “Smysl”, IC “Akademija”, Moscow, 416 p. (in Russian).
8. Ammon, G. (1982). *Handbuch der Dynamischen Psychiatric. Bd. 2,* Er. Reinhardt Verlag, Munchen, 967 S (in German).
9. Kulikova, T. V. (2011). *Filosofija granicy: fenomenologicheskij i jepistemologicheskij podhody: dis. ... d-ra filos. nauk,* N. Novgorod, 334 p. (in Russian).
10. Kondrat'ev, M. Ju. (2005). *Social'naja psihologija zakrytyh obrazovatel'nyh uchrezhdenij*, Piter, St. Peterburg, 304 p. (in Russian).
11. Beri, Dzh. U. (2001). “Akkul'turacija i psihologicheskaja adaptacija: obzor problemy”, *Razvitie lichnosti*, № 3–4, pp. 183–193 (in Russian).
12. Perlz, F. S. (2001). *Geshtal't-podhod. Svidetel' terapii*, IIP, Moscow, 224 p. (in Russian).
13. Klejberg, Ju. A. (1999). *Psihologicheskie osnovy deviantnogo povedenija podrostkov: dis. ... d-ra psihol. nauk,* Chu Do, Tver', 65 p. (in Russian).
14. Shapoval, I. A. (2013). “The deviation of the individual as a result of programming and selection of alternatives on the path of life”, *1st International Scientific Conference “Science Progress in European Countries: New Concepts and Modern Solutions”.* March 28, 2013, Stuttgart, pp. 151–152 (in English).
15. Perlz, F. S. (2001). *Geshtal't-podhod. Svidetel' terapii*, IIP, Moscow, 224 p. (in Russian).
16. Hlomov, D. (2003). “Dinamicheskij cikl kontakta v geshtal't-terapii”, *Geshtal't-2003: sb. materialov Moskovskogo geshtal't instituta,* Moskovskij geshtal't institut, Moscow, 105 p. (in Russian).
17. Ibid.
18. Perlz, F. S. (2001). Op. cit.
19. Shamshikova, E. O. (2013). “Determinacija narcissizma v organizacii psihologicheskogo prostranstva lichnosti “, *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, № 3, pp. 24–35. Available at: http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365 (in Russian).
20. Berger, P. & Lukman, T. (1995). Op. cit.
21. Petuhova, L. I. (2014). Op. cit.
22. Berger, P. & Lukman, T. (1995). Op. cit, p. 259.
23. Klejberg, Ju. A. (1999). Op. cit.
24. Shapoval, I. A. (2014). “Deformacii lichnosti kak jeffekt vzaimodejstvija sub#ektivnyh i social'nyh mirov “, *Klinicheskaja i special'naja psihologija*, t. 3, № 4. Available at: http://psyjournals.ru/psyclin/2014/n4/Shapoval.shtml (in Russian).
25. Rudenskij, E. V. (2000). *Psihologija nenormativnogo razvitija lichnosti: viktimologicheskie osnovanija psihologicheskoj teorii deficitarnoj patologii razvitija lichnosti*, GCRO, Novosibirsk, 180 p. (in Russian).
26. Belinskaja, E. P. (2006). *Identichnost' lichnosti v uslovijah social'nyh izmenenij: dis. ... d-ra psihol. nauk*, Moscow. Available at: http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-05/dissertaciya-identichnost-lichnosti-v-usloviyah-sotsialnyh-izmeneniy (in Russian).
27. Brown, N. W. (ed.) (2006). *Coping with infuriating, mean, critical people: the destructive narcissistic pattern*, CT, Praeger, Westport, 191 p. (in English).
28. Belinskaja, E. P. (2006). Op. cit.

29. Shapova,l I. A. (2016). “Funkcii i disfunkcii granic Ja: jeffekty samoorganizacii i samodezorganizacii sistemy”, *Klinicheskaja i special'naja psihologija*, t. 5, № 1, pp. 19–32. Available at: 10.17759/cpse.2016050102 (in Russian).
30. Beri, Dzh. U. (2001). Op. cit.
31. Janchuk, V. A. (2011). Op. cit.
32. Jurevich, A. V. (2011). “Antisocial'naja socializacija”, *Psihologicheskie issledovanija duhovno-nravstvennyh problem,* otv. red. A. L. Zhuravlev, A. V. Jurevich, Izd-vo “Institut psihologii RAN”, Moscow, pp. 233–250 (in Russian).

Рекомендовано к публикации:
Некрасовой Г. Н., доктором педагогических наук,
членом редакционной коллегии журнала «Концепт»

Поступила в редакцию *Received*	01.11.17	Получена положительная рецензия *Received a positive review*	15.11.17
Принята к публикации *Accepted for publication*	15.11.17	Опубликована *Published*	18.11.17

ISSN 2304-120X
www.e-koncept.ru

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2017
© Шаповал И. А., 2017